

Многие годы мы ходили по одной улице — Неждановой. По ней Галина Вишневецкая и Мстислав Ростропович спешили на свои концерты в консерваторию. А я издала любовалась знаменитыми музыкантами, искусству которых поклонялась. В мае семьдесят четвертого я оказалась — по просьбе директора издательства АПН — последним московским журналистом, бравшим интервью у гениального виолончелиста перед его вынужденным отъездом за границу, но не для советской печати, а американской. Наша в ту пору Ростроповича просто бойкотировала, разумеется, по велению свыше. Единственной его виной было то, что вместе с Вишневецкой он дал приют в своем доме гонимому тогда Александру Солженицыну. Позже супругов лишили гражданства. Когда спустя годы его вернули, оказалось, что души их всегда были с нами, в России...

Судьба вновь привела меня в их дом, на этот раз к его удивительной хозяйке. Незадолго перед тем мы встречались с ней во МХАТе, где актриса готовила роль Екатерины Великой. Когда я поднялась на этаж, Галина Павловна, в алом изысканном платье, уже ждала меня в дверях. Мы расположились в красивой комнате, обитой зеленым шелком — под цвет глаз Вишневецкой. Разговор начался легко и продолжался не один час. Звонили колокола церкви Воскресения...

Галина Вишневецкая:
О ЖИЗНИ, О ТЕАТРЕ И О СЕБЕ

Фото И. Александрова

ПРЫЖОК С ОБРЫВА

— Все еще два года назад вы, Галина Павловна, сокрушались, что вам не удастся стать драматической актрисой, хотя давно мечтали об этой карьере. И вот МХАТ. Как чувствуете себя в роли дебютантки? Волнуетесь?

— Волнуюсь. Всегда волнуясь, когда выхожу на сцену. Но это не страх, нет. А взволнованность, приподнятость чувств. Без этого на сцену и выходить нечего. Шаляпина как-то спросили: «Федор Иванович, волнуетесь перед выходом на сцену?». На что тот ответил: «Не волнуетесь только покойники и дураки». Но чего это стоит — выйти на сцену, чтобы все звучало, знает только сам артист.

— Екатерина мучает вас!

— Мучает. И ночью, и днем. Она стала частью моей жизни.

— Есть ли разница в работе на оперной сцене и драматической?

— Огромная. Даже и не представляла себе. Что тут говорить, это совсем другое искусство. В опере уже задан весь материал: музыка, темп, ритм, интонация, слово. Вам остается только выучить партию и вложить свою душу. А здесь все иное: интонация рождается из пустоты, вроде бы из ничего. Дан только текст.

— Сложно вхождение в образ?

— Сложно. Я певица, голосом владею. Но нужно найти партию роли, ту музыку, которая звучала бы в тебе, как оркестр. Рада, что взялась за эту работу. Должна с благодарностью сказать, что с режиссером Вячеславом Долгачевым интересно трудиться. Я просто счастлива, что у меня прекрасные партнеры. Татьяна Лаврова, эта феноменальная актриса, играет графиню Прасковью Брюс. Мне, дебютантке, Таня очень помогла. Легко нашла общий язык и еще с одним дебютантом — Сергеем Шныревым. Ему всего 22 года, почти, как и герою пьесы — Сашеньке Проколову.

— На своем прошлом юбилейном вечере вы, Галина Павловна, сказали, что Большой театр — ваш единственный дом, который был, есть и будет. Что для вас сегодня ваша альма-матер?

— Там осталась моя душа. Со многими неспетыми партиями. И это горю. Я многое не успела сделать из-за того, что вынуждена была расстаться с театром. Все планы были связаны с ним. Я пела на сцене Большого 22 года. Он был для меня святым местом.

— Часто бываете в Большом, когда приезжаете в Москву?

— Редко. Что-то оборвалось. Несколько спектаклей видела и поняла, что театр находится в глубоком творческом кризисе. Утрачены традиции, школа. Говорю только об опере, а что происходит в балете, просто не знаю. На мой взгляд, помочь Большому сможет только выдающаяся личность. Должен прийти дирижер, который бы жизнь положил на этот театр, как в свое время это сделал Мелик-Пашаев.

— Вас вырастил Мелик-Пашаев?

— Безусловно. Он и Покровский. С Мелик-Пашаевым я работала двенадцать счастливых лет. А с Покровским — все годы в театре, начиная с первой партии Леонору в «Фиделио». Он мой учитель и мой друг. Не знаю другого режиссера, который так бы работал с певцами, так понимал их и помогал раскрыться, как Борис Александрович. Он режиссер оперы, единственный такой во всем мире. Я стала

певицей только благодаря общению с великими знатоками оперного искусства. Выучить партию — не фокус. Для этого есть концертмейстер. А вот стать настоящим певцом артисту может помочь только личность, к которой он бы тянулся, как к какой-то высоте.

— В отношениях с нынешним Большим осталась неудовлетворенность?

— Здесь другое. Это, как с человеком, которому ты оказался не нужен. Отдал жизнь, все, что у тебя было, самую силу свою, молодость, а потом выяснилось, что ты ему был не нужен. Да, я бесконечно благодарна Большому театру, что он устроил мне юбилей. Это был великий день в моей жизни. Но знаете, как у Лермонтова, «В мире новом друг друга они не узнали...» в стихотворении «Они любили друг друга так долго и нежно...». Такое произошло и со мной.

— Но вы почувствовали на юбилее, как публика вас любит?

— Да, и я счастлива, что меня помнят. Это важно. Очень важно.

— На недавнем бенефисе Екатерины Максимовой в Кремлевском Дворце я заметила, как вы низко поклонились этой прекрасной Золушке в белоснежном воздушном одеянии. Дать восхищения!

— Я просто потрясена Катей. Но я вовсе не большой знаток балета. У меня есть, конечно, любимые балерины. Галина Уланова. Майя Плисецкая. И вот Катя Максимова. Она чудо! И какую прекрасную форму сохранила! Катя всегда была прелестной, а на этом вечере я увидела ее беспримечные возможности в танце. Когда она творила «Ангельский круг» Малера, очень элегантно, изысканно, и только и думала, как хорошо, чтобы это не кончилось. Балерина была одна с музыкой, ее пластика поразительна.

— Владимир Васильев на том «Бенефисе» вышел на сцену и вместе с Принца вернул Золушке ее туфельку, но прежде с нежностью прижал ее к груди. А мне вспоминается Мстислав Леопольдович, однажды признавшийся явной радостью — по телевизору да еще на всю Россию, — что он ваш подопалубник.

— Но это шутка. Что значит «подопалубник»? Мужчине должно уступать женщине, когда надо. Есть моменты, когда женщине необходимо почувствовать и свою силу, и свою слабость. Она тоже имеет право на каприз и даже на глупость. Возьми и уступи ей. Женщину надо приглубить.

— Мстислав Леопольдович всегда уступает?

— Он же рыцарь! Мы вместе 38 лет. У нас, разумеется, разные характеры. В каких-то спорах можем даже бросить друг другу резкие слова. Слава скажет что-то обидное — я помню месяцами, а он сразу забывает, что, разумеется, прекрасно. Но я-то не забываю. Видимо, каких слов вообще не стоит говорить. И, зная за собой подобное свойство, от которого избавиться, к сожалению, не могу, стараюсь обидных слов не произносить. Надо сдерживаться. Должна сказать, что почти половину жизни мы и не виделись: у каждого свое дело. Зато всегда встречаемся с радостью, потому что успеваем соскучиться.

— Помню, как Ростропович прилетел на премьеру вашей картины «Провинциальный бенефис», как он был счастлив и горд, когда сопровождал

вас на презентации фильма в Петербурге и Москве. Это ведь тоже талант — быть счастливым и уметь радоваться жизни.

— Конечно. К сожалению, на премьеру во МХАТе он прилететь не сможет, работает, «как лошадь», в Вашингтоне. Слава очень любит людей, общество, без этого жить не может.

— А вы! В книге признаетесь, что вы индивидуалистка.

— Это так. У меня всегда было немного друзей. К сожалению, кто-то уже ушел, а на их место никто не приходит.

— Есть потребность в общении!

— Только с теми, кто мне близок. Предпочитаю взять книжку и почитать, чем тратить время на пустую болтовню. Моя жизнь была на виду, и я должна была ограждать себя от разных сплетен.

— Ваш муж по-прежнему зовет вас царевной-лягушкой?

— По-прежнему. Как пожелания, так и стал называть. А я его — Буратино. На годовщину свадьбы он недавно сделал мне чудесный подарок из камня. На горке — царевна-лягушка в бриллиантовой короне, а у подножия — озеро, и там на лепестке лилии — Буратино на стульчике и играет царевна на виолончели.

— Замечательно. Вы знаете, мне запомнилось, как Жанлин Кенеди как-то сказала, что ее муж Джон всю жизнь оставался в сущности, шестилетним ребенком. А что бы вы сказали о своем муже?

— Так бы, как Жанлин, я бы не сказала. Хотя понимаю, что вы имеете в виду. Слава очень хорошо организован внутренне, знает, что делать и как делать. Его жизнь подчинена творчеству. А что касается его эмоциональности, то не склонен принимать это за нечто детское.

— Вернуться к царевне-лягушке. В сказке ей помогают мамки-няньки. А вам кто?

— Римма. Она с нами сорок лет. И сейчас ведет дом в Париже.

— Ваш дом там, не в Москве!

— Ощущение собственного дома, конечно, в Париже. Здесь этого не было. Хотя у нас и кооперативная квартира, но мы всегда жили с тревогой, что ее могут отобрать. В жилотделе все время обсуждали, а могут ли квартиру наследовать дети. За границей же мой дом — моя крепость. Моя собственность. Не захочу, не пущу самого президента, если он даже будет лопаться. И это дает человеку уверенность. Мы обставляли дом по своему вкусу. Это русский дом. Ме-

бель, картины покупали на аукционах. Висит полотно Левицкого, Рокотова, Боровиковского. Коллекция Репина. Я вам уже говорила, что у нас два портрета Екатерины II кисти Рокотова и Левицкого. Но есть еще один — крепостного Пустыгина. Он нарисовал государя в полный рост. Когда Екатерина отпустила его на волю, он учился в академии.

— С кем дружите в Париже? Читала, что вы живете недалеко от дома Марин Маллас!

— Это так. Через два дома. Впрочем, многие имена в Москве просто не известны и бессмысленно их называть. Приезжают Стерны, Исаак и его жена Вера, но редко, поскольку они живут в Нью-Йорке. Это только в нашей стране все художники, писатели, музыканты, артисты собрались в столице. За рубежом все иначе. И люди там годами не встречаются. Но, к счастью, в Париже живет моя младшая дочь Леночка с четырьмя детьми. Она снималась со мной в «Провинциальном бенефисе», играла Кручинину в молодости. Она хороша пвианистка, много выступала с палочкой. Сейчас пишет стихи, сочиняет к ним музыку, сама играет и сама поет.

— А старшая дочь!

— Ольга в Нью-Йорке. Она профессор Манхэттенской консерватории. Однако ее муж никак не может понять, зачем она работает. Но у женщины обязательно должно быть в жизни что-то для души, только ей принадлежит. Дома сидеть скучно.

— У вас есть все, о чем женщины только могут мечтать.

— Все не так просто. В жизни много сложностей, от которых приходится отказываться, чтобы сохранить семью. Если обмыслил и понял, что это твое, так цени и береги.

— Были кризисы?

— У кого их не было? Я вынуждена была оставить театр в самом расцвете сил. Мне было сорок семь. Из-за чего я это сделала? Только из-за того, что Славу здесь гноили, его жизнь была бы кончена, если бы мы не уехали. А я настояла, чтобы мы это сделали. Я видела, что может наступить конец. Да как это возможно было такого музыканта, как Ростропович, отправить в провинцию, чтобы он играл в полупустом зале, а потом литрами пил водку! Сразу появились приятели с бутылками. Это была настоящая трагедия, что тут скрывать. Начались сердечные приступы. Все было. Если бы я не бросила театр, то потеряла бы мужа. Он либо спился, либо что с собой

натворил. Ему же даже зала не давали, чтобы играл. Вот и выбирай, что тебе дороже. Женщины в стрессовой ситуации быстрее ориентируются. И я молниеносно приняла решение — уезжать за границу.

— Никогда не забуду ваши последние шесть концертов в консерватории, когда вам аккомпанировал на виолончели и на роле Мстислав Леопольдович.

— То были мои концерты. Если бы власти не разрешили мне петь, был бы еще один скандал. Они на это не пошли.

— Но за рубежом вы продолжали петь.

— Это совсем другое. В Москве был мой театр, был Покровский, мой партнер, моя публика. Там же я ездила по разным странам и каждый раз должна была доказывать, что я собой представляю. Отстаивать свое положение приходилось. Была страшная ломка жизни, к которой не была готова. Впрочем, работа всегда есть работа. Но возместить потерю своего театра невозможно ничем. Гастролировать можно всюду. Если ты хороший артист, везде будешь выступать и тебе будут платить большие деньги.

— Простите, а деньги играют роль в вашей жизни!

— Но ведь надо жить! Потребности у меня самые нормальные: два обеда не съешь, три платья на себя не надеешь. Когда мы уехали за границу, все осталось здесь — квартира, дача, мебель. Мы со Славой вкалывали, зарабатывая средства на оставшуюся жизнь. Да, деньги нужны, чтобы и добрые дела делать, людям помогать. Я организовала свой фонд. Моя книга «Галина» выходит уже десят пятим изданием, все деньги идут в фонд пенсионеров оперы Большого театра. С Ростроповичем мы организовали совместный фонд, помогаем детской больнице.

— Вы начинаете свою книгу с эпизода, когда, не умея плавать, с размаху, вслед за мальчишками прыгаете с крутого берега в речку. Вам тогда не было еще полных четырех лет. И пишете, что в тот момент вы впервые пытались отстаивать свое человеческое достоинство и право на свободу действия. Этот случай — символ всей вашей жизни!

— Наверное. Но что интересно. Когда я решила писать книгу, долго не знала, с чего начать. И начала с первого, самого яркого ощущения в жизни. Кстати, об этом первом прыжке в воду. У меня и знак выдальной. Я Скорпион. Книгу писала четыре года. Спросила у Володи Максимова, а как пи-

сарман, чтобы подсчитать, сколько в нем лежит.

— Такова природа человеческая.

— Это не природа. Это советская власть так воспитала людей. Она стремилась всех уравнивать. И человек научился не в свою тарелку смотреть, а в соседскую.

— Что вас заставляет сегодня страдать?

— Все, что связано с Россией. То, что вижу последние месяцы. Не верю, что народ, прошедший ГУЛАГ, снова хотел бы повернуть обратно. Сколько миллионов людей у нас уничтожено за годы советской власти — сорок или шестьдесят? Никто точно до сих пор не знает. А может, никто и знать не хочет! Захотели бы — потребовали, чтобы сказали. В каждой семье есть эзек. Как можно забыть физическое уничтожение собственного народа?

— Пот давно заметил: народ безответствен.

— Верно. Но этот же народ, когда приходит беда, умеет защитить себя, свою страну. Не могу поверить, что народ, которому сама принадлежу, не построил бы наконец свой настоящий дом. Он не должен смотреть на Запад, туда, где подают. Ничего не надо подавать народу. В этом я абсолютно уверена. Не надо ни перед кем унижаться. Служу себе. В блокаду ребенком осталась совсем одна в Ленинграде, старалась выжить. И выжила. Народ должен работать. Что хочешь делай, но работай и выживай. Странно, что в такой огромной стране, где жила, как был петровский, таким и остался. Побывала в квартире, где прошло детство.

— С бабушкой мысленно поговорили!

— Поговорила... Стояла я в комнате, где когда-то мы с ней ютились, и вспоминала, как на том самом месте, где и сейчас стоит диван и дедушка спит, и я спала. И подумала, как жаль, что в детстве была такой неласковой. Ни разу к бабушке не подошла, не пожелала ей, не поцеловала. Я ее любила, и очень, а вот проявить свои чувства не могла. Что-то сдерживало меня. Такой была много лет, пожалуй, до рождения своей Ольги. Словно в броню закована.

— Была обидна ребенка, брошенного родителями!

— Еще как!

— Теперь я понимаю, что вы изо всех сил старались выжить и стать сильной, чтобы доказать им, что все сможете в этой жизни.

— Именно так. Во что бы то ни стало. Вы меня бросили. Подкинули бабушке. А я выжила и стану человеком. Отогреюсь уже годам к тридцати.

— Отгорел Мстислав Леопольдович!

— Безусловно. До него была ледяная глыба. Закнутой, закрытой. Все время работала, чтобы утвердиться. Ездил с концертами по провинциальным дырам. На сцену выходила каждый день. Хлеб, картошка. Одно платье на пять лет. Хорошую школу прошла. Первую шерстяную кофту купила, когда стала солисткой Большого театра.

— Вот вам и воздалось за сиротство, блокаду, за тяжелую болезнь, за то, что недополучили когда-то.

— Я благодарна Богу, судьбе.

— Молитесь!

— Молюсь. Когда меня никто не видит. На ночь молюсь. Это пришло ко мне как-то само собой.

— Встаете с ощущением счастья!

— Да. Так и надо жить. Не забывать, что самый великий дар Божий — жизнь. Главное — не падать духом. Надо стараться находить радость. Не ныть. Не гнуть самого себя к земле. Не скрутишь — это плохо, то плохо. Если грязно, к примеру, возьми тряпку и сама вымой.

— Моете сами!

— А кто же еще? Живу здесь одна, помощников нет. Приехала когда в Москву, переехала первой репетицией во МХАТ, а стала рано утром и в наклонку вымыла полы. Кого-то просить не хочу: только нервы себе издегаю. Будет просить палку, а ее у меня нет. Тогда скажет, что так не может. А я могу. И делаю.

— Зарядкой занимаетесь!

— Пробовала, но что-то не получилось. Я всю жизнь впролом жила. Мне так легче. Привыкла мало есть. Сухофрукты, орехи, супы из пакетов... Никакого сладкого. Диету соблюдала строго.

— О чем мечтаете!

— Чтобы Бог дал еще силы в творчестве. Здоровья семье. Чтобы все было счастливым. Вот и все. Это уже много.

— Сыграно несколько спектаклей во МХАТе, Галина Павловна улетела в Америку. В Нью-Йорке и в Вашингтоне — презентации картины «Провинциальный бенефис». Организует все это петербургский бизнесмен Андрей Константинов. Картину представит режиссер Александр Беллинский, который задумал поставить с Вишневецкой спектакль «Дерево умирает стою». А в апреле — снова спектакли на сцене МХАТа...

Беседу вел
Лидия НОВИКОВА.